

DOI: [10.17805/ggz.2018.6.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.6.5)

Образ Востока в пьесе К. Марло «Тамерлан Великий»

Е. Е. Крылова

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрено, каким предстает Восток в пьесе «Тамерлан Великий» К. Марло. Автор анализирует, как этот образ соотносится с историческим Тамерланом и современным ему Востоком, каковы взаимоотношения между европейским миром и восточным в пьесе, а также насколько правомерно включать пьесу Марло (и, в принципе, творения его современников) в популярный ныне постколониальный дискурс.

В виде доклада исследование было представлено на I Всероссийской научной конференции «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд» (Москва, 22–23 июня 2018 г.). Конференция была проведена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (№ 18-012-00679).

Ключевые слова: К. Марло; Тамерлан; ориентализм; постколониальные исследования; английская литература; ренессансная английская драма

The Orient in Marlowe's "Tamburlaine the Great"

E. E. Krylova

Independent researcher, St. Petersburg

The goal of this article is to examine the image of the Orient in Marlowe's "Tamburlaine the Great". The author analyzes how this image corresponds to the historical Tamburlaine and the East of his time; how Marlowe represents relations between the Oriental and European worlds as well as how appropriate it is to put this Marlowe's play (and, generally, works by his contemporaries) into the Post-colonial discourse that is popular nowadays.

The study was presented at the I All-Russian conference "Christopher Marlowe and His Literary Heritage in Russian and World Culture: An Interdisciplinary Look" (Moscow, June 22–23, 2018). The conference was held within the framework of the project supported by the Russian Foundation for Basic Research (No. 18-012-00679).

Keywords: C. Marlowe; Tamburlaine; Orientalism; postcolonial studies; English literature; Renaissance English drama

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни «Тамерлан Великий» входит в тройку наиболее популярных пьес Кристофера Марло наравне с «Трагической историей доктора Фауста» и «Мальтийским евреем». Сегодня произведение, посвященное знаменитому азиатскому завоевателю, обычно ставятся как единая десятиактная пьеса. Однако изначально замысла второй части, судя по всему, не существовало. К ее созданию привел успех у зрителей первой пьесы. И в XVI веке законы шоу-бизнеса требовали сиквела удачного проекта. Нельзя сказать, что вторая часть (как это нередко случается) уступает первой. Но получились они разными.

Протагонистом пьесы является Тамерлан, известный также под именем Тимур, прозванный Железным хромцом. Как сообщит любопытствующему любая энциклопедия, Тамерлан — среднеазиатский полководец XIV — начала XV веков, создавший империю Тимуридов. Правда, черт исторического Тамерлана в герое пьесы Марло немного.

В предисловии к “The English Renaissance, Orientalism, and the Idea of Asia” У. Лим отмечал: «В исследованиях по английскому Возрождению в последние время замечен всевозрастающий интерес к литературным репрезентациям чужеземных стран, интерес, источником которого является постколониальная критика» (The English Renaissance, 2010: 1; здесь и далее перевод наш. — Е. К.). «Тамерлан» Марло, где главный герой — восточный завоеватель, а действие пьесы происходит на просторах Азии, был обречен на включение в постколониальный¹ дискурс. Так, в работе 1991 года Р. Сейлс констатировал: «Обе пьесы, посвященные Тамерлану, часто связывают с колониальной экспансией елизаветинского времени» (Sales, 1991: 59). Э. Бартелс в своей работе, посвященной Марло, утверждает, что обилие персонажей-«Других» (среди которых и Тамерлан) на английской сцене рубежа XVI–XVII вв. есть свидетельство «поворотного момента в истории государства раннего Нового времени — появления империалистической идеологии и пропаганды» (Bartels, 1993: xiii).

¹ Иногда под термином «постколониализм» ошибочно понимается разоблачение западного империализма, однако это понятие намного шире и постоянно приобретает новые оттенки. Как отмечал Г. Хугган «“постколониальный” — слово, которое у всех на устах, хотя никто, кажется, не знает, что оно означает» (Huggan, 2001: 1). Авторы одной из первых и наиболее известных книг по проблеме постколониализма “The Empire Writes Back” (первое издание вышло в 1989 г.) предлагали использовать термин «постколониальный» для «описания всех культурных явлений подвергшихся влиянию империализма (*imperial process*) с момента колонизации до наших дней» (Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 2004: 2). Сегодня на практике к постколониальным исследованиям относят все тексты, связанные с рефлексией в отношении колониального прошлого в постколониальном мире.

О влиянии зарождающейся империалистической идеологии на трактовку автором восточных героев в пьесе «Тамерлан» единого мнения у исследователей нет. Есть те, кто ассоциирует Тамерлана Марло в его стремлении к покорению мира с английскими купцами и моряками — пионерами британской колониальной экспансии (см., к примеру: Greenblatt, 2005: 194). Иные видят в Марло автора, разоблачавшего культурные стереотипы и противостоящего демонизации «Других» (Bartels, 1993). Есть и противоположные мнения. Например, со стороны мусульман встречаются обвинения пьесы английского драматурга в «демонизации» исламского мира (Al-Abboud, 2016: 2), попытках принизить Восток, потому что в ту эпоху он «намного превосходил христианских соперников в уровне культурного, экономического и политического развития» (ibid: 1).

Постколониальный дискурс вырос из работы «Ориентализм» Эдварда Саида, вышедшей в Америке в 1978 году. В ней ориентализм определяется как особое европейское видение Востока (воплотившееся, в том числе, в многочисленных произведениях на ориентальные темы), но, главное, как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» (Саид, 2006: 10). Его труд отчасти верен в отношении европейской культуры, начиная с эпохи Просвещения (и сам автор именно с этого момента отсчитывал появление ориентализма). Хотя и здесь не следует поддаваться искушению подгонять сложные явления под относительно простую схему. С еще большей аккуратностью стоит подходить к применению данной концепции к совершенно иной, по отношению к рассмотренной Саидом в его знаменитой книге, эпохе, как бы ни была популярна сегодня в академических кругах его теория. Но и не упомянуть ее нельзя. Ведь влияние постколониального дискурса на трактовки «Тамерлана» давно вышло за пределы научных штудий. Он воздействует и на сценические прочтения пьесы Марло, и на восприятие ее публикой и критикой.

Так, постановка «Тамерлана» в театре «Барбикан» 2005 года подверглась критике из-за подозрений в самоцензуре. В пьесе был отредактирован эпизод сожжения Корана, как предположили, из соображений политкорректности. И хотя режиссер утверждал, что сделал это по творческим причинам, основания для подобного вывода были. Ведь критики колониализма и ряд представителей исламского мира трактуют сцену сожжения священной книги мусульман Тамерланом как акт, демонстрирующий превосходство Запада. Естественно, часто можно услышать о том, что «было бы поистине ужасно вновь показывать в Лондоне сцену сожжения Корана» (Al-Olaqi, 2012: 197).

*ОБРАЗ ВОСТОКА**В «ТАМЕРЛАНЕ ВЕЛИКОМ» К. МАРЛО*

Действительно, в годы, когда Марло создавал «Тамерлана Великого», турки были грозной силой, которую у западных народов были все основания опасаться. Это была интересная эпоха. Европейцы начинали колонизировать Восток. А турки-османы расширяли свою империю не только путем завоевания восточных соседей, но и стремились колонизировать земли европейцев. Хотя надо отметить, что это не мешало христианским правителям при совпадении интересов заключать соглашения с Османской империей. Так, например, в первой половине XVI века Франция заключила союз с турками против Габсбургов. Англия времен Елизаветы Тюдор также рассматривала возможность заключения союза с Османской империей против испанцев и вела активную торговлю с турками (см., например: Burton, 2005; Brotton, 2017).

Тамерлан же заслужил благосклонность некоторых христианских авторов тем, что ненамеренно отсрочил превращение Константинополя в Стамбул. Однако исторический Тимур, до того как его интересы вступили в конфликт с интересами правителя Османской империи Баязида I, был вполне расположен к нему и писал султану:

Он (Баязид) тоже проявляет прекрасное старание и чрезмерные усердия, борясь на западной стороне с заблудшими течениями и противниками древней религии, отрицающими истинную, вечную религию, в соответствии с требованием аята «Поистине, Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, как будто бы они — плотное здание!» (Коран, 61/4). (Баязид) тратит все усилия для оживления шариата и прогресса ислама и создает благоприятные условия для установления единобожия. Благодаря этому все верующие находятся в безопасности и спокойствии, живут счастливо и благополучно.

(цит. по: Тоган, 2010: 217)

Именно конфликту Тамерлана и Баязида в первой части пьесы Марло отведено одно из центральных мест. Надо отметить, что в первой пьесе, вероисповедание скифа Тамерлана остается неопределенным. Он не мусульманин (в отличие от исторического тюрка Тимура) и не христианин. Из богов он чаще остальных вспоминает греко-римский пантеон и «Пилада и Ореста, чьи изваянья в Скифии мы чтим» (ч. I, I, 2; Марло, 1961а: 60). Соперник Тамерлана султан Баязид — «перед которым в страхе вся Европа» (ч. I, III, 3; там же: 89) — без всякого сомнения, выведен автором мусульманином. Отчасти это могло служить подтверждением тезиса о «демонизации» ислама в пьесе. Однако поверженный Баязид, заключенный в железную клетку и слу-

жащий развлечением для Тамерлана и его придворных, с определенной вероятностью, должен был вызывать сочувствие даже у публики того времени, когда публичные казни собирали аншлаги и в целом были чрезвычайно популярным мероприятием. Здесь можно отметить, что сама история о заключенном жестоким Тимуром в клетку Баязиде, по мнению ученых, как раз является примером того, как стереотипы о восточных варварах и, видимо, недостаточное знание языка способствовали рождению мифа, растиражированного многими европейскими историками (см., например: Wann, 1915: 436–437).

Да и отношение Тамерлана к христианам неоднозначно. Так, он сообщает:

Я, прозванный бичом и гневом божьим,
Я, в страх и трепет приводящий всех,
Сперва султана покорю, а после
На волю отпущу тех христиан,
Которых вы цепями приковали
К бортам летящих по морю галер.

(Ч. I, III, 3; Марло, 1961a: 86)

Но это совершенно не мешает ему несколько позднее в разговоре с тем самым султаном произнести:

Пока наш флот, что бороздит моря
От Индии до Мексики далекой,
Не выйдет к Гибралтарскому проливу,
На португальцев нагоняя страх
И в подчинении держа британцев.
Так овладеет миром Тамерлан.

(Ч. I, III, 3; там же: 93)

Во второй же части пьесы, когда сподвижник Тамерлана Техелл, царь Фесский, сообщает тому, что в «верности поклясться приневолил» (Ч. II, I, 3; Марло, 1961b: 143) легендарного пресвитера Иоанна, то встречает полное одобрение своего сюзерена.

Не менее неоднозначны и взаимоотношения христиан с восточными героями пьесы. Если в первой части нет ни одного персонажа-христианина, то во второй Марло на короткое время вводит в действие ярко описанных западных правителей во главе с королем мадьярским Сигизмундом. С ним турки хотят создать союз против Тамерлана.

Когда договоренности достигнуты и подтверждены священными клятвами, именно христиане нарушают только что заключенное соглашение. Ведь клятвы иноверцам — лишь слова, исполнять которые, по мнению церкви, для христианина необязательно, как утверждает правитель Богемии, склоняя (и успешно) короля Сигизмунда изменить договору.

Узнав о вероломстве христиан, царь Анатолийский Оркан восклицает:

Ужель нас христиане обманули?
Возможно ли предательство в сердцах
Тех, кто по образу господню создан?

(Ч. II, II, 2; там же: 148)

В результате христианское войско, поднявшее оружие на мгновение назад обретенных союзников, разбито, а тяжело раненный король Венгрии перед смертью восклицает:

Разгромлено все войско христиан!
Господь нас пораженьем наказал
За подлое предательство мое!

(Ч. II, II, 3; там же: 149)

Царь же Анатолийский после победы, одержанной над Сигизмундом, говорит следующее:

А я считаю: надо чтить Христа,
Не оскорбляя этим Магомета,
Который тоже нам помог в бою.
Поскольку нечестивец предал веру...²

(Ч. II, II, 3; там же: 150)

Приведенные выше отрывки из пьесы демонстрируют, что не знающие пределов амбиции Тамерлана-завоевателя распространяются и на земли христиан. Да и взаимоотношения Востока и Запада в пьесе сложнее, чем часто их пытаются представить. Здесь турки порой проявляют больше благородства, чем христианские правители.

Во второй части «Тамерлана» находится и вызывающая множество споров сцена сожжения Корана. Следует отметить, что во второй части пьесы

² В оригинале более экспрессивно: “disgrac’d his faith” (Marlowe, 1966: 212) — обесчестил свою веру.

фигура Тамерлана претерпевает важные изменения. В первой части протагонист не имеет четко определенного автором вероисповедания. Во второй же Марло все-таки сделал своего героя мусульманином. Так, например, обращаясь к своим соратникам, Тамерлан произносит:

Мы все пойдем на Турцию в поход,
Затем что я поклялся Магометом
Ее моей державе подчинить.

(Ч. II, I, 3; там же: 140)

И это лишь одна из многочисленных отсылок к имени Пророка в речах Тамерлана.

В первой части Тамерлан описан жестоким завоевателем, но во второй он превращается в архетипичного восточного деспота. Если в первой пьесе внешность Тамерлана и отчасти его речи порой вызывают в памяти героев Гомера или Александра Македонского, то во второй Тамерлан, по эффектному определению С. Гринблатта, — «машина, ненасытная машина, производящая лишь насилие и смерть» (Greenblatt, 2005: 195), чья жестокость ужасает и его единоверцев, которых он на страницах пьесы, к слову сказать, без счета истребляет.

Через обе части пьесы красной нитью проходит сюжет о человеке, бросившем вызов высшим силам. «Богов и небо он зовет на бой!» (Ч. I, I, 2; Марло, 1961а: 57) — так говорит один из персонажей о Тамерлане, что заставляет вспомнить пьесу Марло о Фаусте. Ведь и про Тамерлана можно повторить слова, сказанные про немецкого ученого:

Его гордыни крылья восковые,
<...>
Переросли и самого его.

(I, Хор; Марло, 1978: 189)

Подобно Фаусту, вкусив сладость успеха, Тамерлан в конце второй пьесы вынужден осознать ограниченность человеческого могущества.

Высшим силам бросает вызов Тамерлан в известной сцене сожжения священных книг. Споры вокруг нее вызваны не только тем, насколько допустимо в наше время продемонстрировать в театре уничтожение священной книги мусульман, но и тем, какой смысл Марло закладывал в нее. Так, известный шекспировед С. Гринблатт, обращаясь к эпизоду с сожжением Корана, отмечал, что «это действие, которому священнослужители елизаветинской эпохи могли бы аплодировать» (Greenblatt, 2005: 202). Однако современник и кол-

лега Марло Роберт Грин, говоря о главном герое пьесы, писал об «атеисте Тамерлане» (цит. по: Ribner, 1955: 162). Поэтому, учитывая репутацию Марло, допустимо предположение, что эта сцена может транслировать не самые стандартные и не приветствовавшиеся в ту эпоху теологические воззрения самого автора. Возможно, мнение, что Марло был именно тем человеком, который здесь при возможности отправил бы в огонь все священные книги мира, и преувеличение, но возникло оно не на пустом месте. Тем более, что для европейской литературы того времени, да и последующих веков, было достаточно характерно перенесение действия в далекие (или выдуманные) страны и времена, что позволяло авторам определенную свободу высказываний³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к проблеме взаимоотношения Востока и Запада в «Тамерлане», можно сказать, что они здесь тесно связаны. Они сталкиваются, соперничают, воюют и изредка вступают в союзы, но главное постоянно присутствуют рядом друг с другом. Это единый мир, наполненный множеством народов, поклоняющихся множеству богов. Мир, где восточные персонажи не так уж отличаются от обитателей западного мира и к тому же демонстрируют глубокие познания в греко-римской мифологии и гомеровском эпосе. В результате Восток К. Марло явно имеет общие культурные корни с Западом. Интерес же к иным цивилизациям, очевидный в Тамерлане, был в принципе характерен для елизаветинской эпохи. В тот период мир стремительно расширялся, заполняясь новыми странами и народами. И этот интерес, влечение к новому не следует полностью ассоциировать с тягой к экзотизму XVIII–XIX вв., которую ряд исследователей выделяют как характерную черту ориентализма. Тем более надо помнить, что первоначально «Тамерлан» игрался в современных автору елизаветинских костюмах.

³ Помимо такого толкования есть и множество других. Предположения исследователей о том, какие идеи заложены в сцене сожжения Корана, чрезвычайно разнятся, как и мнения, был ли Марло атеистом или, наоборот, достаточно религиозным человеком. Однако пока наиболее популярен образ Марло как шпиона, атеиста, содомита и поклонника табака. Одним исследователям видится, что сожжение Корана, оставшееся безнаказанным, демонстрирует, что, по мнению автора, ислам — ложная религия. Другие считают, что болезнь Тамерлана, поразившая его в конце пьесы, — как раз наказание за кощунство. Ознакомиться с различными трактовками данного эпизода пьесы можно, например, в следующих работах: *The Cambridge companion ...*, 2004; Burton, 2005; Greenblatt, 2005; Hopkins, 2008; *The English Renaissance ...*, 2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Марло, К. (1961a) Тамерлан Великий. Часть I / пер. Э. Л. Линецкой // Марло К. Соч. М. : Гос. изд-во худож. лит-ры. 662 с. С. 43–126.
- Марло, К. (1961b) Тамерлан Великий. Часть II / пер. Е. Г. Полонской // Марло К. Соч. М. : Гос. изд-во худож. лит-ры. 662 с. С. 127–210.
- Марло, К. (1978) Трагическая история доктора Фауста / пер. Н. Н. Амосовой // Легенда о докторе Фаусте / изд. подг. В. М. Жирмунский. 2-е изд., испр. М. : Наука. 423 с. С. 189–244.
- Саид, Э. (2006) Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский Миръ. 636, [1] с.
- Тоган, З. В. (2010) Восточно-европейская политика Тимура / пер. с нем. Л. Калимуллиной // Золотоордынская цивилизация. № 3. С. 209–225.
- Al-Abboud, D. A. (2016) The question of Islamophobia and Marlowe's *Tamburlaine the Great* : Thesis. Cairo : American University in Cairo. iv, 54 leaves.
- Al-Olaqi, F. M. T. (2012) Marlowe's *Tamburlaine* (1587) and Islamic theology // *Trames*. Vol. 16. No. 2. P. 177–201. DOI: [10.3176/tr.2012.2.05](https://doi.org/10.3176/tr.2012.2.05)
- Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (2004) *The empire writes back: Theory and practice in post-colonial literatures*. 2nd edn., reprinted. L. ; N. Y. : Routledge. x, 283 p.
- Bartels, E. C. (1993) *Spectacles of strangeness: Imperialism, alienation, and Marlowe*. Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press. 221 p.
- Burton, J. (2005) *Traffic and turning: Islam and English drama, 1579–1624*. Newark, DE : University of Delaware Press. 319 p.
- Brotton, J. (2017) *This Orient isle: Elizabethan England and the Islamic world*. L. : Penguin Books. xiii, 357 p.
- Greenblatt, S. (2005) *Renaissance self-fashioning: From More to Shakespeare*. Chicago, IL ; L. : University of Chicago Press. xvii, 321 p.
- Hopkins, L. (2008) *Christopher Marlowe, Renaissance dramatist*. Edinburgh : Edinburgh University Press. x, 179 p.
- Huggan, G. (2001) *The postcolonial exotic: Marketing the margins*. L., N. Y. : Routledge. xvi, 328 p.
- Marlowe, C. (1966) *Tamburlaine the Great* : in two parts / ed. by U. M. Ellis-Fermor. N. Y. : Gordian Press. xii, 321 p.
- Ribner, I. (1955) Greene's attack on Marlowe: Some light on "Alphonsus" and "Selimus" // *Studies in Philology*. Vol. 52. No. 2. P. 162–171.
- Sales, R. (1991) *Christopher Marlowe*. Basingstoke ; L. : Macmillan. xi, 177 p.
- The Cambridge companion to Christopher Marlowe* (2004) / ed. by P. Cheney. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press. xix, 312 p.
- The English Renaissance, Orientalism, and the idea of Asia* (2010) / ed. by D. Johanyak, W. Lim. N. Y. : Palgrave Macmillan. vi, 246 p.
- Wann, L. (1915) The Oriental in Elizabethan drama // *Modern Philology*. Vol. 12. No. 7. P. 423–447.

Крылова Елизавета Евгеньевна — искусствовед, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург. Эл. адрес: [eekrylova@gmail.com](mailto:EEKRYLOVA@gmail.com)

Krylova Elizaveta Evgenievna, art historian, independent researcher, St. Petersburg. E-mail: [eekrylova@gmail.com](mailto:EEKRYLOVA@gmail.com)

Дата поступления: 12.10.2018 г.

Для цитирования:

Крылова Е. Е. Образ Востока в пьесе К. Марло «Тамерлан Великий» [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 6. С. 61–70. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/921> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2018.6.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.6.5)